

Деревенские мордасти

В деревне часто дают прозвища, меткие и точные. Разница только в том, что у одних они бывают простыми, а у других очень обидными. У Ивана Алексеева было очень обидное прозвище: Курощуп. Почему и кто дал ему это прозвище – неизвестно, только прилепилось оно к нему на долгие годы. Если Иван шёл по улице, то соседи, увидев его, говорили: «Вон, Курощуп пошёл». Жёну его тоже не обошли вниманием, за глаза все её звали Пальмой. Нет, имелось в виду не дерево пальма, которое растёт на юге, а подразумевалась кличка собаки, которая много гавкает и брешет. Правда была в том, что жена Ивана любила поболтать и часто воображаемое выдавала за действительность. Поэтому ей мало кто верил, но она на это не обращала внимания и могла наговорить всякую чушь. Люди же быстро делали вывод и изрекали: «Пальма брешет». Знала ли она о своём прозвище – неизвестно, а вот Иван о своём прекрасно знал.

Как-то в обычный день к нему домой зашёл сосед. Поговорили о том, о сём, и тут их разговор прервала гусиха, которая сидела в гнезде под кроватью, и неслась. Она вдруг с громким шумом и гоготаньем направилась к порогу на выход. По-хорошему, Ивану надо было проверить, снеслась она или нет, но в присутствии соседа об этом нечего было и думать. Сосед же, ехидно улыбаясь, посоветовал пощупать гусиху. «Вот ещё, нужна она мне», – весь покрывшись красными пятнами, сказал Иван и выпнул гусыню на улицу.

В принципе, Иван был неплохим человеком, много работал, стараясь прокормить детей и не работающую нигде жену. А она часто сочиняла небылицы про соседей и даже про детей.

Однажды две ученицы-подружки зимой, глядя на мальчишек, решили поставить петли на куропаток. Опыта по этому делу было маловато, ни одной куропатки им в их петли не попало, однако признаваться в этом не хотелось. И девчонки, призвав на помощь своё воображение, стали всем рассказывать, какую крупную куропатку они поймали, да не простую, а с чёрным пятнышком на голове. У Пальмы воображения было ещё больше, чем у детей. Она неделю ходила по своей улице ко всем соседям и с возмущением говорила, что эти подружки поймали Валеркину (так звали её сына) куропатку, что они вытащили эту большую толстоногую птицу из его петли и что взамен теперь пусть отдадут им петуха, так будет по-честному. Петуха ей никто не дал, женщины-соседки быстро поставили Пальму на место, и на какое-то время она угомонилась.

Настоящее имя Пальмы было Нюра, а её сестру от рождения звали Марусей, но в деревне её называли только Манянькой. «Вон, Манянька побегла», – говорил кто-нибудь из женщин.

Весной для обеих сестёр наступала золотая пора – щёлкание семечек. Дело в том, что в колхоз в начале мая на склад привозили семечки, разумеется, для того, чтобы сеять их на полях. Однако прежде чем их посеять, по магическим причинам они исчезали, их становилось меньше и меньше. Эти семечки щёлкала вся деревня, семечки были в каждой семье. Семечки жарились, наполнялись карманами у взрослых и детей, а они угощали друг друга и доверительно шептали: «Не сказывай никому, что у нас семечки, а то меня мамка заругает». Такая тайна была в каждой семье, пока, наконец, остатки «роскоши» не высеивали на поля.

Так вот, весной Пальма и Манянька часам к двенадцати выходили за ограду на лавочку и лузгали семечки до

умопомрачения. Виртуозность их состояла в том, что они щёлкали их так быстро, что шелуха не успевала слетать на землю, а верёвочкой вилась прямо на подбородке и только потом этой же верёвочкой-змейкой падала на пол. К женщинам подходила «Ликсиенчиха» – свекровка Пальмы. Щёлкать семечки из-за возраста она уже не могла, не было зубов, зато была первой по скорости – бегу за ягодой. Если «Ликсиенчиха», худая и тощая, в белом платке, с ведром в руке пошла по ягоды, то всё, догнать её уже никто не мог, она шла, не оглядываясь, буром и без остановки, никакая молодая женщина догнать её не могла. Приблизившись к лесу, она оглядывалась, убеждалась, что от неё все отстали, ступала в лес и спокойно шла к своим заветным полянам.

Ещё к женщинам на посиделках присоединялась соседка, пенсионерка, жена Козыря (такое прозвище было у её мужа), и беседа протекала ещё более оживлённо. Вот тут Пальма отводила свою душу. Каждый раз она убеждала всех присутствующих, что скоро, скоро, вот-вот придут посылки из Ленинграда от её сестры Клавдии. В этих посылках будет много чего хорошего: отрезы на платья из крепдешина и крепжержета, туфли на высоком каблуке, красивая дамская сумочка, да мало ли чего! Пальма свято в это верила, только вот посылки почему-то задерживались и не приходили.

Зато у её двоюродной сестры Марии, которая жила напротив их дома, в действительности была не дамская сумочка, а балетка. В ней она помещала ключи от магазина. Мария совсем недавно стала работать продавцом. Прежняя продавщица ушла по состоянию здоровья, и надо сказать, ключи от магазина она обычно носила в кармане. Мария, а с ней иногда и Пальма, каждое утро с гордым видом, чуть помахивая балеткой, на высоких каблуках, проходила по всей улице, показывая и доказывая всем деревенским женщинам, что и

она не «лыком шита». Правда, продолжалось это недолго. Если бывшая продавщица проработала семнадцать лет, нося ключи в кармане, то у Марии через полгода обнаружили большую недостачу, и Пальма всех в деревне убеждала в том, что ей, Марии, насчитали неправильно, что её обманули, что в торговле все начальники жулики, воры и бандюги.

Жизнь шла своим чередом. Иван работал в колхозе конюхом, и в один из дней с ним произошло несчастье. Молодой необъезженный конь здорово его потрепал: проволочил его по всей улице, и Ивана в бессознательном состоянии увезли в соседнее село в больницу.

Жена, узнав об этом, заголосила на всю деревню. В больницу, которая находилась всего в пяти километрах, она не поехала, а сразу решила справлять поминки по мужу. Понятно, что насмерть, а то как же! Всплёскивая руками и голося на все лады, она шла улицей по направлению к магазину, заодно обдумывая, что нужно взять для такого случая. Встречным женщинам с причётом рассказывала о своем горе, а в магазине в долг набрала конфет и пряников и ещё преобольшущую связку баранок, которую повесила себе на шею. Пальма шла из магазина по улице, вся увешанная баранками, свисавшими почти до конца подола платья, и причитала на всю улицу, а увидев встречных, начинала голосить ещё громче, приглашая их на похороны мужа. Но Иван и не думал умирать. Прележав в больнице некоторое время, он выписался и продолжал работать, но в конюхи больше не пошёл. О том, что с ним произошло несчастье, ему напоминало лишь порванное ухо, которое врачи залатали и залечили как могли. После этого случая Иван в деревне получил новое прозвище: Иван Корноухий, а вот прозвище жены так и осталось.